

оригинальная статья

Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия?

Миронов Виктор Владимирович

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, г. Омск

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

vvm_512@rambler.ru

Поступила в редакцию 31.03.2022. Принята после рецензирования 12.05.2022. Принята в печать 20.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена выявлению ценностей Европейского союза в контексте применения современных подходов к исследованию интеграционных объединений. Представляется, что анализ роли ценностей в политике ЕС может быть осуществлен различными способами. Историко-правовой метод показывает процесс юридического закрепления ценностей в законодательстве и отражает становление политической субъектности ЕС в последние 30 лет. Точкой отсчета может считаться концепция *совместного достояния*, демонстрирующая основные этапы и задачи европейской интеграции. Своей кульминации концепция *acquis communautaire* достигает к Лиссабонскому договору, после вступления в силу которого перечень ценностей ЕС был конкретизирован. Концепция *общего достояния* сохраняет свое правовое значение, но трансформирует цели в дискретный набор политических ценностей современного Европейского союза. Анализ социального измерения ценностей ЕС осуществлялся с применением методологических концептов Копенгагенской школы безопасности, чьи теоретические наработки проверялись методом анализа событийных данных. Проведенный анализ позволил выявить краткосрочные ценности современного европейского общества через мониторинг СМИ и показать специфику европейского восприятия событий, что проявляется в доминирующем значении личных и политических прав граждан. Пандемия обострила проявление данных ценностей внутри европейского общества. Главный вывод работы состоит в том, что при наличии определенных проблем ценностное измерение политики ЕС прошло этап своего формирования и выступает частью европейского общества и политики. Политическую составляющую можно дифференцировать по нескольким направлениям, за которыми стоят специфические интересы – от критериев сотрудничества до условий членства и определения перспектив взаимодействия с ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Копенгагенская школа безопасности, *acquis communautaire*, ценности, право ЕС, социальная безопасность, Б. Бузан

Цитирование: Миронов В. В. Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия? *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 309–319. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-309-319>

full article

European Interests and European Values: General Perspectives of Analysis or False Dichotomy?

Victor V. Mironov

Omsk State University, Russia, Omsk

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

vvm_512@rambler.ru

Received 31 Mar 2022. Accepted after peer review 12 May 2022. Accepted for publication 20 May 2022.

Abstract: The article features the values of the European Union in the context of applying modern approaches to the study of integration associations. The analysis of the role of values in the policy of the European Union can be done in various ways. The historical and legal method shows the process of legal consolidation of the values and reflects the formation of the political subjectivity of the EU in the last 30 years. The starting point is the concept of *shared heritage* that demonstrates the main stages and tasks of European integration. The concept of *acquis communautaire* reaches its climax with the Treaty of Lisbon, and this was when the list of EU values became complete. The concept of the *common heritage* retains its legal meaning but transforms the goals into a discrete set of political values of the modern European Union. The present analysis of the social dimension of EU values was based on the Copenhagen School of Security. The analysis made it possible to identify the short-term values of modern European society through media monitoring and showed the specifics of European perception,

e.g., the dominant importance of personal and political rights of citizens. The pandemic exacerbated the manifestation of these values within European society. Despite certain problems, the value dimension of EU policy is now complete and has become integral to European society and politics. The political component depends on specific interests, e.g., criteria for cooperation, membership conditions, interaction prospects, etc.

Keywords: European Union, Copenhagen Security School, *acquis communautaire*, values, EU law, societal security, B. Buzan

Citation: Mironov V. V. European Interests and European Values: General Perspectives of Analysis or False Dichotomy? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 309–319. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-309-319>

Введение

Необходимость изучения данной темы была обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, отечественные дипломаты уже давно отмечают наличие некоторых специфических ценностей и правил, которые выступают препятствием для развития диалога ЕС с Россией. Примером тому может служить высказывание С. В. Лаврова на пресс-конференции 17 января 2017 г., когда он буквально заметил следующее: «Если говорить о западных, европейских ценностях, которые нам постоянно приводят в пример, то это, скорее, не те ценности, которые исповедовали деды и прадеды европейцев, а нечто новое, уже осовремененное и вседозволенное, ценности, которые можно охарактеризовать как постхристианские. И это коренным, принципиальным образом расходится с ценностями, которые в нашей стране передавались из поколения в поколение, и которые мы хотим очень бережно хранить и передавать нашим детям и внукам»¹.

При этом само понятие *европейские ценности* в дискурсе отечественных дипломатов приобрело преимущественно негативные оттенки и коннотации. Этот тезис также можно обосновать недавней позицией действующего министра иностранных дел. В интервью газете Коммерсант 28 июня 2021 г. С. В. Лавров говорит: «Внедряя свою концепцию миропорядка, основанного на правилах, Запад преследует цель увести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы, куда несогласных не приглашают»². Понятно, что оценки, последовавшие за событиями после 24 февраля 2022 г., стали еще жестче и категоричнее. В целом наличие специфических ценностей рассматривается одним из факторов отсутствия взаимопонимания, что создает дополнительные коммуникативные трудности даже для профессиональных дипломатов. Ценностный раскол возвращает к идеям о столкновении цивилизаций и характеризует существенное противостояние в современной политике, препятствуя поиску компромиссов.

Во-вторых, в научной и политической литературе сохраняется некоторое противопоставление политике, основанной на интересах, политике, в основе которой лежат ценности.

С этой точки зрения предполагается, что ценности носят неустойчивый характер и подвержены изменениям чаще, чем прагматически осознанные интересы [1, с. 11–14]. Например, даже интерес к изучению европейской интеграции в СССР, как писал Ю. А. Борко, стимулировался потребностями растущего товарооборота между Советским Союзом и странами Западной Европы в период разрядки, в то время как ценности холодной войны почти не оставляли места даже для научного диалога [2, с. 47–48]. Брекзит сегодня рассматривается как прагматически обусловленный шаг, основанный на переосмыслении Великобританией собственных национальных интересов, что не всегда стыкуется с ценностями европейской политики [3, с. 10–17]. Однако само по себе наличие ценностей и интересов автоматически не порождает конфликты. Кроме того, интересы могут быть изменчивыми и краткосрочными. В этом смысле даже зарубежная научная теория международной политики отражает набор вполне определенных политических ценностей [4].

Исторический опыт советской внешней политики еще лет 50 назад наглядно свидетельствовал о том, что известный дипломатический прием игры на противоречиях между участниками давал определенные политические результаты. Достаточно вспомнить советско-французское сближение при Ш. де Голле, Ж. Помпиду и В. Жискаре де Эстене и других сторонниках голлистского политического курса в 1960–1980 гг. [5, с. 86–91] или отдельные варианты германо-российских тандемов в поздний советский период и в относительно недавней истории современной России [6]. К такого рода примерам относились и периодические попытки по сближению с некоторыми новыми американскими администрациями, лидерами британской политики до 2014 г. Обновление политической власти исторически давало шансы на обновление межгосударственных отношений и переосмысление интересов.

Сегодня такие варианты игры на противоречиях, или попытки «обнуления» отношений, почти гарантированно сопряжены с неудачами [7]. Степень консолидированности современной европейской политики достаточно высока,

¹ Большая пресс-конференция С. В. Лаврова. 17.01.2017. URL: <https://tass.ru/politika/3946306> (дата обращения: 02.02.2022).

² О праве, правах и правилах. Интервью С. Лаврова газете Коммерсант. 28.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877702> (дата обращения: 03.02.2022).

а общность ценностей здесь играет не последнюю роль. Это заставляет принимать во внимание наличие ценностных барьеров, которые даже при совпадении внешнеполитических интересов по отдельным вопросам и прагматичном политическом курсе не дают желаемых результатов. Выявление содержания и смысловой нагрузки ведущих политических ценностей, как и особенностей их воздействия на межгосударственные отношения, может способствовать осознанию нового коммуникативного пространства и разработке подходов для потенциального диалога.

В-третьих, изучение влияния ценностей на международные отношения представляет самостоятельную научную проблему. Не совсем ясно, что они собой представляют в международных отношениях и как учитывать их влияние при формулировании и проведении политического курса. Это ценности отдельных политиков, национальных лидеров государств либо ценности, разделяемые населением европейских стран? Все это важные вопросы. Как минимум здесь возникает разная перспектива анализа проблемы. Если речь идет о следовании ценностям тех или иных политиков, влияющих на принятие решений, то в фокусе изучения должны быть модели индивидуального поведения и современные концепции лидерства. Если о политических ценностях государства – то в центре всегда будет анализ нормативного содержания национальных интересов, стилей дипломатического общения, если о ценностях населения – идентичность. Здесь ценность представляет собой отражение утилитарной полезности того или иного явления в общественном сознании. Но известно, что идентичности «текущие», а уровень самоидентификации в развитом обществе может быть до сотни [8]. Ценности интеграционных объединений сами по себе ставят еще более сложные вопросы.

Из перечисленного понятно, что тема эта слишком обширна и многомерна, чтобы расставить все точки над «i», но нет сомнений в том, что эту работу необходимо осуществлять. Общеввропейская политика уже тридцать лет как данность. Предмет данной статьи – призыв к рассуждению и диалогу в отношении того, что собой представляют и какую роль играют ценности Европейского союза в современной политике.

Подняв вопрос о методах изучения этого явления, необходимо отметить, что в отношении анализа содержания и роли ценностей ЕС в современных международных отношениях представляется возможным двигаться несколькими путями. По меньшей мере можно говорить об историко-правовом и социологическом аспектах их анализа. В последнем случае, на наш взгляд, конструктивистские трактовки международных отношений могут быть полезными.

Ценности в нормативно-правовых документах ЕС и концепция совместного достояния

В историко-правовом отношении о формировании собственных ценностей Европейского союза уместно говорить вместе с процессом становления политической субъектности

ЕС последних 30 лет. Бесспорно, что эта тема может выступать самостоятельным предметом анализа [9]. Однако говорить о ценностях вне этого процесса представляется беспредметным. Исторические истоки формирования отдельных европейских ценностей можно выделять и ранее, но правовое их закрепление целесообразно отслеживать вместе с эволюцией действующих договоров. В связи с этим представляется уместным разделить понятия *европейские ценности* и *ценности Европейского союза*. На наш взгляд, истоки ценностного измерения политики ЕС были связаны с понятием, а в дальнейшем – с концепцией *acquis communautaire* в европейском политическом дискурсе. Есть некоторые проблемы в переводе данного термина [10, с. 85–88]. Обычно его переводят как *достояние сообщества, совместное достояние, общее достояние*. Но, как это часто бывает, перед тем, как тот или иной термин попадает в международный договор и становится правовым понятием, он имеет определенную политическую предысторию.

В ее реконструкции как раз важны французские корни этого понятия. Истоки политического происхождения того, что в 1990-е гг. называлось *совместное достояние* ЕС, восходят к переговорам участников европейской интеграции 1960-х гг. Они были связаны с жесткой позицией основателя Пятой республики во Франции Ш. де Голля в отношении возможностей участия Великобритании в ЕЭС. Как известно, «французское вето» удалось преодолеть лишь после ухода политика с поста Президента, но уже на переговорах по присоединению к ЕЭС ЕАСТ в конце 1960-х гг. одним из условий было то, что достигнутые правила сообщества не должны нарушаться и пересматриваться новыми участниками. В связи с тем, что комплиментарность романо-германской правовой семьи и системы стран общего права, в первую очередь речь тогда шла о Великобритании, была сложной, то переговорная формула *общее достояние* ЕЭС в 1960-х гг. оказалась удобным выходом из этого положения. Она позволяла снизить риски от недоговоренностей и правовых пробелов в процессе переговоров с Великобританией и странами, участвующими в ЕАСТ в 1960–1970-х гг. Страны, которые присоединились к ЕЭС в 1980-е гг., были включены по несколько иным мотивам [11, с. 39]. Можно сказать, что в отношении Греции, Испании и Португалии концепция *acquis communautaire* была не столь значима в момент их присоединения к ЕЭС, но интерес к формуле *совместного достояния* сообщества был реципирован при разработке текста Маастрихтского договора в 1990-х гг. и последующих договоров Европейского союза.

Так, статья Б раздела Общих положений Маастрихтского договора гласила: «Союз ставит перед собой следующие цели: ... полностью сохранить "acquis communautaire" и опираться на него с целью рассмотрения посредством процедуры, указанной в статье N(2), в какой степени может потребоваться пересмотр политики и форм сотрудничества, предусмотренных настоящим Договором, с целью обеспечения эффективности механизмов и институтов

Сообщества»³. Как и в 1960-х, в 1990-х гг. центральной задачей использования конструкции *совместное достояние* было стремление сохранить и закрепить достигнутый уровень интеграции в процессе расширения сотрудничества между европейскими государствами. Отличие состояло в том, что изменилось качество интеграционного взаимодействия. В 1990-е гг. были поставлены иные задачи – не сообщество, а экономический союз, разработка общей внешней политики, как это тогда характеризовалось в тексте Маастрихтского договора, расширение межгосударственного сотрудничества и в последующем введение евро. На этом этапе формула *совместного достояния* оказалась вновь востребованной, нашла закрепление в договоре и начала трансформироваться в правовую концепцию.

Амстердамский договор 1997 г. также уделил внимание понятию *acquis communautaire* в ст. K15 (ч. 1 п. «е») в связи с возможностью т. н. тесного сотрудничества с ЕС. Поскольку этот договор действующий, то уместно показать формулировку этой статьи: «1. Государства-члены, которые намереваются установить более тесное сотрудничество между собой, могут использовать институты, процедуры и механизмы, установленные настоящим Договором и Договором об учреждении Европейского Сообщества, при условии, что сотрудничество... (е) не затрагивает *acquis communautaire* и меры, принятые в соответствии с другими положениями указанных договоров»⁴. Очевидно, что в редакции этого пункта присутствует отчетливое желание не навредить достигнутому уровню интеграции внутри ЕС и одновременно расширить сферы сотрудничества между государствами-членами ЕС.

Иначе говоря, в конце 1990-х гг. возможность внутри-союзных тандемов при проведении внешней политики еще не исключалась, но важно было не навредить общему делу. При этом сам интеграционный процесс стал захватывать все новые области. Примечательно, что содержание *acquis communautaire*, как и в первоначальной редакции Маастрихтского договора, в тексте Амстердамского договора не расшифровывалось. Сегодня трактовка этой нормы возможна не столько в отношениях между государствами-членами ЕС, сколько в отношениях с третьими странами и новыми государствами, желающими присоединиться к данному интеграционному образованию. А юридическое значение амстердамских дополнений важно в контексте исторического и телеологического толкования международных соглашений. На этом построена правоприменительная деятельность, несмотря на изменение отдельных формулировок в современной сводной редакции учредительных документов Европейского союза.

Кроме того, ст. K12 в п. 5 Амстердамского договора содержала формулировку о ненанесении урона шенгенским *acquis*, что было следствием первой попытки интеграции шенгенского права, изначально обладавшего некоторой автономией, в право ЕС. В действующей редакции договора этот пункт звучит несколько иначе, что показательно в контексте эволюции предоставлений об общем достоянии политико-правовых ценностей ЕС. Теперь редакция статьи K12 в ч. 5 звучит так: «настоящая статья не наносит ущерба положениям Протокола об интеграции шенгенского законодательства в рамки Европейского Союза». Такая редакция устранила возможность отдельного толкования шенгенских *acquis* и *acquis communautaire* Европейского союза. Тем не менее содержание термина стало внутренне дифференцироваться.

Дальнейшее изменение формулировки произошло в ходе разработки Ниццкого договора. Здесь формула *тесного сотрудничества* с ЕС была переименована в *продвинутое сотрудничество*. Это, в свою очередь, заставило внести некоторые дополнения в редакцию договора. Например, ч. «с» ст. 43 гласила: «Государства-члены, которые намерены наладить более тесное сотрудничество между собой, могут использовать институты, процедуры и механизмы, предусмотренные настоящим Договором и Договором об учреждении Европейского Сообщества, при условии, что предлагаемое сотрудничество: (с) уважает *acquis communautaire* и меры, принятые в соответствии с другими положениями указанных договоров»⁵. В тексте договора также отмечалось, что «продвинутое сотрудничество» должно «уважать *acquis communautaire*», а акты и решения, принятые государствами в рамках данной процедуры, не должны образовывать часть «*acquis* Союза». Такое уточнение предоставило основания некоторым юристам поднять вопрос о сосуществовании уже различных по содержанию *acquis communautaire* внутри права Европейского союза на рубеже XX–XXI вв. Формально редакция статьи говорила о возможном наличии общего достояния ЕЭС, *acquis* Европейского союза и даже шенгенских *acquis* в учредительных документах ЕС [10, с. 74]. А само *общее достояние* стало концепцией, а не формулой преодоления отдельных недоговоренностей.

Поэтому в тексте европейской конституции 2004 г. впервые была предпринята попытка расшифровать данную правовую категорию (п. 3 ст. IV). Но конституция не была принята и не вступила в силу. Поэтому текст Лиссабонского договора в первоначальной редакции содержал некоторый компромисс об *общем достоянии* и был вынужден

³ Treaty on European Union. Maastricht, 7 Feb 1992. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 24 Feb 2022).

⁴ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.1997.340.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A1997%3A340%3ATOC (accessed 1 Mar 2022).

⁵ Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. Nice, 26 Feb 2001. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2001.080.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2001%3A080%3ATOC (accessed 1 Mar 2022).

включить в цели и ряд протоколов к договору старую формулу об *acquis communautaire*. Речь также шла о целях ЕС в измененной нумерации ст. 2, нормах *acquis communautaire* в разделе о продвинутом сотрудничестве на основе взаимодействия с третьими странами и об интеграции шенгенских *acquis* в право ЕС. Сам текст Лиссабонского договора, как и Ниццкого, давал основания говорить о параллельном существовании нескольких совместных достояний: базовых *acquis*, шенгенских *acquis* и *acquis* Европейского союза, включенных в учредительный договор ЕС, внутри системы права интеграционного объединения [12, с. 27]. Кроме того, к этому времени сложилась определенная судебная и правоприменительная практика по разрешению споров с использованием формулы *общего достояния*, что подталкивало к конкретизации этой концепции в дальнейшем. Поэтому после вступления договора в силу в 2009 г. термин *acquis communautaire* постепенно исчезает из договоров через механизм внесения поправок и в современной сводной редакции почти не употребляется. Он остается в Маастрихтском договоре как действующем учредительном договоре ЕС, амстердамских дополнениях и в некоторых Протоколах к иным договорам Европейского союза.

Сегодня в ст. 2 учредительного договора применяется не формула *общего достояния*, а дан перечень конкретных ценностей, на основе которых должен функционировать ЕС. А именно: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в обществе, в котором преобладают плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами»⁶.

П. 5 ст. 3 дополняет эти формулировки ценностями, которыми должен руководствоваться ЕС в своих отношениях с третьими странами и другими участниками международных отношений. К числу наиболее фундаментальных ценностей в этом пункте относятся: «В своих отношениях с остальным миром Союз поддерживает и продвигает свои ценности и интересы и способствует защите своих граждан. Он должен способствовать миру, безопасности, устойчивому развитию Земли, солидарности и взаимному уважению между народами, свободной и справедливой торговле, искоренению нищеты и защите прав человека, в частности прав ребенка, а также строгому соблюдению и развитию международного права, в том числе уважение принципов Устава ООН»⁷.

Очевидно, что ценности ЕС и принципы ООН автоматически не исключают друг друга. У них разная юридическая сила. Тем не менее упоминание в действующей редакции

Сводного договора в разделе о целях Европейского союза двух перечней ценностей в идущих друг за другом статьях представляется не недоработкой юридической техники европейского законодателя, но, напротив, результатом поиска своего политического места интеграционным объединением и отражением эволюции концепции *acquis communautaire* в праве ЕС последних 30 лет. Именно эта концепция стала основой формирования и декларирования ценностей ЕС. Юридическое значение перечисленных ценностей, включенных в действующие договоры ЕС, определяется не только тем, какая именно сегодня формулировка в них присутствует, но и тем, что согласно ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров аутентичное толкование правовых норм идет в соответствии с целями и объектом договора.

По поводу причин конкретизации ценностей вместо упоминания сложившейся концепции в законодательстве ЕС было высказано несколько версий, каждая из которых отражает определенный сегмент политической и правовой реальности первых десятилетий XXI в.

1. После провала проекта Евроконституции не нужно было давать лишние аргументы евроскептикам и представителям праворадикальных политических сил в пользу существования наднациональной системы права ЕС. Это могло замедлить процесс политико-правовой интеграции новых членов внутри европейского сообщества и болезненно воспринималось населением [12, с. 25]. Перечисление в целях документов определенных ценностей, а не правовых норм, выводило формулу *acquis communautaire* за рамки правового поля ЕС, переводя данные нормы в политическое измерение. Кроме того, внутри права ЕС *de jure* сложилось несколько видов *общего достояния*, а основные ценности внутри Европейского союза (т. н. базовые *acquis*) и так были отражены во внутрисоюзных и национальных документах стран-участниц и не вызвали возражений. Но именно перевод правовой формулы в ценностное измерение достигнутого уровня интеграции и настораживал третьи по отношению к ЕС страны, включая Россию. Дипломаты усматривали здесь снижение общей регулятивной роли международного права и попытку замены правового механизма регулирования международной политики неправовым (ценностным), что трактовалось как потенциальная угроза достигнутому международному сотрудничеству.

2. Изменения формулировок в отношении *acquis communautaire* в текстах договоров Европейского союза свидетельствовали о постоянном расширении объема и содержания *совместного достояния*, что создавало сложности при формализации и толковании термина [12, с. 27]. Понятие превращалось в категорию с постоянно изменяющимся содержанием.

⁶ Consolidated version of the Treaty on European Union. As amended on 1 Mar 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu_2016/oj (accessed 24 Feb 2022).

⁷ Ibid.

3. Попытка формализовать концепцию и применить общее достояние в отношении гарантий национальным меньшинствам на основе имеющихся договоров в праве ЕС столкнулась с тем, что участники по-разному восприняли идею правового закрепления гарантий национальных меньшинств в попытках формализации ее юридического содержания. Ряд государств вообще отказывались признавать существование национальных меньшинств у себя в стране на фоне ирредентистских процессов 1990–2000-х гг.

4. Считается, что в Лиссабонском договоре концепция трех опор ЕС, с которой генетически была связана формула *совместного достояния*, ушла в прошлое. Механизм гарантий межгосударственного сотрудничества более был не нужен. Правосубъектность ЕС была очерчена, а идеи *acquis communautaire*, напротив, приобретали неопределенный вид без их конкретизации. Поэтому и Лиссабонский договор упоминал общее достояние в дополнительных протоколах о функционировании сообщества.

Оценивая правовую эволюцию *общего достояния* Антье Винер из Центра Р. Шумана считала, что функционально можно говорить о трех уровнях значения концепции *acquis communautaire* в праве ЕС. Во-первых, даже сегодня она сохраняет свое значение как нормативно-правовой источник в законодательстве Европейского союза. Фактически в этом качестве концепция и реализована в действующих договорах и представляет собой определенный способ восполнения пробельности права ЕС, как и формальный ресурс материального и процессуального права. Во-вторых, концепция *общего достояния* демонстрировала изменение внутрисоюзных целей интеграционного объединения и отразила поэтапную многолетнюю практику сотрудничества европейских государств, закрепив в итоге конкретный перечень интеграционных ценностей. В-третьих, *общее достояние* можно воспринимать как констатацию общности норм, которые, будучи не закреплены формально, имеют важное значение для отношений ЕС в международном измерении с третьими странами [13, р. 9].

Соглашаясь с такой трехмерной оценкой измерения значения ценностей ЕС в целом, представляется, что ее можно дополнить и оценками *acquis communautaire*, высказанными другими отечественными и зарубежными правоведом. Так, А. С. Исполинов, вслед за Амихаем Магеном из Стэнфордской школы права, полагает, что постоянно растущее количество нормативных документов и правил внутри ЕС привело к тому, что дальнейшая формализация норм с помощью отдельных правовых актов оказалась затруднительной. Формула *acquis communautaire* стала охватывать практически все сферы интеграционного процесса от безопасности до корпоративного управления финансами и от пищевых продуктов до экологических программ [10, с. 78; 14, р. 387]. Содержательное ядро правового понятия оказалось размытым. Идея общего достояния, будучи емкой, удобной и внутренне многомерной основой для фиксации норм, понятных участникам

европейской интеграции рубежа веков, исчерпала свои правовые возможности. Поэтому она логично эволюционировала из права в политику, где не требовалось дальнейшей правовой формализации. С этой точки зрения декларирование собственных ценностей ЕС выглядит вполне закономерным.

Несколько иную оценку *acquis communautaire* дает украинский юрист-международник Р. А. Петров. Он считает, что при анализе этого понятия целесообразно говорить не только об эволюционном приросте ценностно-политической составляющей *совместного достояния* в правовом поле Европейского союза, но важно выделять растущую дифференциацию внутрисоюзного законодательства и внешнего измерения *acquis communautaire* как разных подходов в отношениях с разными странами [12, с. 96–98]. При этом если внутренняя политика ЕС в течение трех последних десятилетий спланировалась, то содержание внешнего измерения политики дифференцировалось по отношению к вступающим в ЕС государствам, странам, имеющим важное торгово-экономическое значение, и иным странам по отношению к интеграционному объединению [12, с. 26]. Если в отношении стран, желающих вступить в ЕС, термин по-прежнему играет роль неформальных ценностей для вступления за рамками копенгагенских критериев 1993 г., то в отношении торговых партнеров действуют «жесткие» нормы международного контрактного права, а для третьих ценности ЕС – это «дорожная карта» для расширения политического взаимодействия с ЕС. Таким образом, *acquis communautaire* представляют собой не столько нормативно-правовую, сколько внутренне многомерную политическую основу развития сотрудничества, выраженного в ценностном измерении современной международной интеграции. Эволюция концепции свидетельствует о становлении ЕС еще и как субъекта внешнеполитической деятельности и отражает процесс поиска своего места и новых направлений взаимодействия с внешним миром. Анализ изменений целей базовых договоров ЕС от первоначальной до современной редакции показывает этот процесс в полной мере и позволяет говорить о реализации интересов сообщества в ценностном преломлении в политике.

Наиболее проблемным аспектом рассмотренной эволюции формулы *acquis communautaire* является его деюридизация и закрепление ценностей в действующем законодательстве ЕС. В перспективе здесь не исключается конфликт с нормами международного права, включая основные принципы ООН. Принципы ООН, как известно, носят императивный характер в отличие от ценностей. Но конфликт между ценностями и нормами права – лишь одна из возможных линий взаимодействия и вовсе не обязательная. Еще один проблемный аспект такого развития – как руководствоваться перечисленными ценностями в правоприменительной деятельности? В юридическом смысле ценности важны при толковании договоров, они могут иметь вес при разрешении коллизий

между странами-участниками ЕС, но по существу это мягкое право ЕС. Как квалифицировать несоблюдение ценностей? В целом представляется не всегда уместным противопоставлять ценности и интересы Европейского союза. Как минимум прагматическое межгосударственное сотрудничество указанным перечнем ценностей не блокируется. Правовые санкции по отношению к третьим странам здесь отсутствуют, что не исключает реализацию политических форм ответственности по международному праву, а за перечнем ценностей скрывались и прагматически сформулированные интересы ЕС.

Региональные ценности как отражение интересов европейского общества: опыт применения идей Копенгагенской школы

Фактический перечень и оценку роли ценностей ЕС можно выявлять и социологическим путем. Тогда под ценностями Европейского союза будем понимать явления, значимые в первую очередь для современного европейского общества. К пониманию ценностей в системе социальных, а не политико-правовых координат подталкивает и сам термин. Один из философских словарей определяет ценность как «характеристику предмета или явления, обозначающую признание его значимости»⁸. Думается, что современные конструктивистские подходы могут помочь при решении этой задачи. В частности, представляется возможным опереться на ряд разработок Копенгагенской школы безопасности для реконструкции ценностей европейского общества в целом. Под Копенгагенской школой (Copenhagen School) понимается сообщество ученых-международников, занимающихся изучением безопасности, которые делают акцент в своих исследованиях на расширении ее повестки и отходе от ее понимания только как военно-политической проблемы в анализе. Школа получила известность благодаря работам, осуществленным в Институте изучения проблем мира в Копенгагене (Дания) с 1988 по 2002 год группой исследователей, возглавляемых Б. Бузаном.

В контексте выявления специфики европейских ценностей важно сделать акцент на трех идеях Копенгагенской школы, которые могут быть использованы для характеристики ценностей европейского общества.

1. Автономность социальной безопасности. В отличие от военно-политического сектора, где центральными элементами традиционно выступают угрозы и вызовы государственной безопасности, трактуемые в контексте национальных интересов государств, в основе социального измерения безопасности лежит понятие *идентичности*. И здесь показательным известное высказывание О. Вайвера: «Критерием безопасности государства выступает суверенитет, критерием безопасности общества выступает идентичность. И то, и другое означает выживание. Государство,

которое утрачивает свой суверенитет, перестает быть государством, общество, утратившее свою идентичность, не может считаться обществом в собственном смысле слова»⁹ [15, р. 77–78]. Именно анализ социальных аспектов безопасности вкупе с проблемным анализом еще ряда секторов, по мнению сторонников школы, показывает более глубокий круг проблем в сфере международных отношений.

2. Возможность выявления региональной специфики европейского общества посредством применения центрального для школы понятия *комплекс региональной безопасности* [16, р. 43–51]. Термин *региональный комплекс безопасности* был введен в научный оборот Б. Бузаном еще в 1980-х гг., задолго до формирования Копенгагенской школы. В работе «Люди, государства и страх» 1983 г. региональный комплекс безопасности определялся ученым как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесно связаны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [17, р. 106]. Процессы европейской интеграции в конце XX в. очень хорошо укладывались в такое понимание регионального уровня безопасности, схватывая специфику Европы как автономного региона. Практически в том же виде данное определение вошло в работу «Безопасность: новые рамки анализа», которая рассматривается квинтэссенцией для Копенгагенского проекта [18, р. 201]. Однако позднее, в исследовании 2002 г., региональный комплекс безопасности определяется Б. Бузаном и О. Вайвером несколько иначе, что было связано с полемикой вокруг этого понятия по другую сторону Атлантики и разработкой собственного метода изучения внутри Копенгагенской школы [19]. Под региональным комплексом безопасности здесь понимается «группа участников, чьи основные процессы секьюритизации и десекуритизации (или же оба этих процесса вместе), настолько связаны, что проблемы безопасности региона невозможно проанализировать или решить силами отдельных участников» [19, р. 24].

Понятие *комплекс региональной безопасности* представляет собой не просто существующее географическое пространство современного мира, но это и мир определенных социальных ценностей, которые позволяют говорить о региональной специфике того или иного общества [20]. Подобный подход позволил Б. Бузану совместить классический неореалистский взгляд на международные отношения с наработками Английской школы и применить их к новому для теоретического осмысления уровню анализа международных отношений.

3. Метод секьюритизации, который позволяет выявить ведущие социальные проблемы через речевой акт. Тогда центральным элементом в выявлении ценностей выступает анализ общественно-политического дискурса, который

⁸ Философский словарь, под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1991. С. 512.

⁹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

фиксирует наиболее важные составляющие социальной идентичности. Метод секьюритизации выявляет и дает возможность проанализировать изменения социальной идентичности, показывая не только определенный набор общественно-политических контекстов, но и динамику изменения ценностей европейского общества. При этом изначально фокус Копенгагенской школы при использовании этого инструментария был обращен как раз к оценке деятельности международных региональных организаций и развитию региональной интеграции [18, р. 35].

Нельзя не отметить и недостатки подхода данной школы. Они проявились в специфическом понимании общества в конструктивистской концепции. Общество трактуется как относительно автономное от государства явление, которое может иметь собственную повестку при изучении проблематики безопасности. Иначе говоря, общество понимается школой не как относительно объективное и устойчивое явление, обладающее внутренней структурой устойчивых связей и отношений, но как конструируемый через идентичность текущий социальный феномен. Кроме того, имплицитно общественная и государственная повестка в изучении безопасности противопоставляются, что не всегда представляется корректным. Ко всему прочему в адрес школы был высказан и ряд других критических замечаний [21].

Для их преодоления в рамках цели статьи был использован количественный вариант анализа событийных данных европейских СМИ на примере публикаций 2021 г. В частности, был создан и обработан информационный массив общим числом в 1784 сообщения в хронологических рамках с февраля по ноябрь 2021 г. Это минимальный срок, позволяющий говорить о фиксации тенденций и первых предварительных наблюдениях в рамках количественной оценки. Основу информационного массива составили сообщения европейских СМИ, в первую очередь лента новостей Euronews. Стремление опереться на количественные методы в работе с информационными источниками не преследовало цель верификации определенных ценностных суждений СМИ, скорее – предоставило возможность неспекулятивного восприятия ведущих процессов внутри европейского общества в целом. При этом очевидно, что только количественный подход сам по себе мало информативен и нуждается в определенной теоретико-методологической рефлексии и качественной интерпретации.

Общий тематический классификатор полученного информационного массива представлен на рисунке. На первом месте по частотности упоминаний внутри европейских новостей находились вполне традиционные общественно-политические сюжеты с показателем в 27 % от общего числа сообщений. Думается, что это положение сохранилось, прежде всего, за счет объединения внутренних европейских и международных политических сюжетов в общем информационном поле европейских СМИ. В противном случае коронавирус и борьба с ним вышли бы на первое место. Так оно и было в отдельные периоды весны – начала лета 2021 г.

Пандемия и связанные с ней отдельные тематические индикаторы, периодически выходили вперед и могут характеризоваться специфическим набором индикаторов. Как правило, они были обусловлены вспышками заболеваемости в ряде стран (Италия, Румыния, Испания), появлением первых вакцин и трудностями прививочной кампании. На третьем месте с показателем 15 % оказались экономические проблемы, существенная доля которых также была вызвана спадом макроэкономических показателей и кризисом отдельных экономических сфер, вызванных пандемией. В целом совместно с общественно-политической проблематикой экономические аспекты дают приблизительно 42 % от информационного контента.

Рис. Тематическое распределение информационного массива
Fig. Information array: topics

Небезынтересным внутри общего распределения тем внутри информационного массива представляется экологическая составляющая в фокусе восприятия СМИ в условиях пандемии. Суммарно в общем информационном массиве доля сообщений составила 9 %. В этом смысле можно предположить, что экологическая повестка для общества имела такой же вес, как и вопросы соблюдения личных прав граждан при оценке протестной активности в СМИ. Представляется, что в этом проявилась и определенная региональная специфика. Примерно такое же количество информационных материалов было посвящено правозащитной повестке (8 %), что как раз высвечивает не только интерес прессы к соблюдению прав граждан, но и ценностное отношение к происходящему. Здесь проявляется, во-первых, неприятие ограничений столь значимых для европейского общества личных прав граждан и, во-вторых, рост протестной активности на фоне введения и действия ограничительных мер. Противоречие между необходимостью сохранения общественного порядка и соблюдением прав людей в условиях пандемии проявилось в протестной активности населения и появлении движения антиваксеров, которые консолидировали в себе социальные ценности протеста. При этом протестная составляющая европейских новостей часто встраивалась в более широкий контекст протестного движения в мире, а не ограничивалась только констатацией недовольства в отдельных европейских странах и регионах.

Последнее место при характеристике тематических интересов европейских СМИ пришлось на тему кибербезопасности (хакерские атаки, проблемы с Интернетом, новые гаджеты – основные маркеры этой темы). Доля сообщений составила 4 % в информационном массиве, и она находится в пределах статистической погрешности, допустимой для количественной оценки. Однако, это важный показатель сформированности информационного европейского общества. Компьютерные технологии, казалось бы, прочно вошли в европейскую жизнь, поэтому и кибербезопасность волнует меньше, чем проблемы отношения к власти. Предварительно можно допустить, что информационное и реальное общество почти совпадают. Но любопытные данные в этой связи были приведены М. Г. Носовым. Несмотря на карантинные ограничения, услугами электронной торговли в Италии не пользуется почти треть респондентов. Людей старше 65 лет в стране – 23 %, из них 59 % никогда не совершали покупок через Интернет [22, с. 21]. Поэтому и полного совпадения реального и информационного общества, которому придают существенное внимание современные социологи, нет даже в Европе. В целом эта тема использовалась как ложная переменная при анализе динамики для других тем. Также представляется небезынтересным понаблюдать за ней в дальнейшем в контексте выявления специфики развития информационного общества [23].

К концу 2021 г. представители Euronews определили информационные темы года несколько иначе, поставив акценты на следующих событиях и процессах:

1. Сложности с запуском кампании по вакцинации от ковида в ЕС.
2. Противоречивые меры против антиваксеров.
3. Ангела Меркель ушла с поста канцлера Германии.
4. Вступил в силу договор о Брексите.
5. Ухудшение отношений Польши с Брюсселем.
6. Миграционный кризис на границе Беларуси с ЕС.
7. Возвращение талибов к власти в Афганистане.
8. Напряженность в связи с ситуацией на границе России и Украины¹⁰ [19].

Этот перечень необходимо привести для проверки количественных данных. Очевидно, что тематическое распределение информационного массива изменится в текущем году. В целом базовый спектр тем, отражающий значимость тех или иных ценностей и интересов, в обоих случаях просматривается. Политическая проблематика по-прежнему занимает центральное место в фокусе восприятия международной повестки. Количественная оценка показывает приоритетное значение текущих политических вопросов и на общеевропейском уровне. Пандемия не вытеснила, но скорее догнала ее в общем объеме информации. Европейское общество по-прежнему позиционирует себя как важный и вполне самодостаточный участник

современных политических процессов, демонстрирующий интерес к различным аспектам международных отношений и внутренней политики со специфическим набором ценностного восприятия мира. Возможно, что акцент на политических ценностях в прессе был обусловлен тем, что реальные рычаги борьбы с пандемией были сконцентрированы на уровне национальных государств. Косвенно это подтверждается первыми итогами анализа социально-экономических программ 2021 г. в ФРГ [24, с. 67–68] и оценками ряда европейских экспертов об отсутствии солидарности внутри стран ЕС по отношению к пандемии [25, с. 120–121].

Заключение. Ценности versus интересы?

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые предварительные итоги и наблюдения. Наличие определенных ценностей Европейского союза, артикулируемых как на уровне нормативно-правовых документов, так и на уровне европейского общества, сомнений не вызывает. Более того, процесс их формирования представляется закономерным и основные этапы этого процесса возможно объективировать через эволюцию концепции совместного достояния в нормативно-правовых документах ЕС.

Появление собственного перечня ценностей в сфере международной политики было обусловлено неоднородными процессами становления внешнеполитической субъектности ЕС и показывало формирование основных направлений сотрудничества как внутри, так и за пределами интеграционного образования Европы. Вместе с тем поиск собственной идентичности не был и не мог быть сопряжен с отказом от действующих международно-правовых обязательств государств, входящих в ЕС, как и с пересмотром международных конвенций отдельными участниками союза. Акцент на ценностях в изменяющихся правовых формулах договоров ЕС был вызван темпорально обусловленными задачами и интересами интеграции. Конкретный перечень ценностей, приведенный в действующей редакции учредительного договора ЕС, свидетельствовал об исчерпании возможностей концепции *acquis communautaire* и в первую очередь был рассчитан на дальнейшее внутреннее развитие интеграционного образования. Наиболее сложной проблемой ценностного измерения европейской политики остается определенная деюридизация международного сотрудничества с внешним миром, что подчеркивается в качестве аргументов критики представителями третьих по отношению к ЕС стран, включая отечественных дипломатов. Сложности могут возникнуть и в правоприменительной сфере, что связано с особенностями толкования данных норм.

В фокусе европейских СМИ при изучении современных ценностей европейского общества наблюдается некоторое смещение акцентов в сторону проблем социальной безопасности, что объективно отражает реакцию

¹⁰ 2021 год: 8 главных тем в новостях из Европы. URL: euronews.com/2021/12/24/8-main-european-stories-of-the-year (дата обращения: 03.01.2022).

европейских сообществ на пандемию. На первый план выдвинулись вопросы, связанные не только со здоровьем, но и с соблюдением личных прав людей, социальные и экономические последствия пандемии. Внутри социального поля критически большое значение имеет сфера ограничения личных и политических прав людей, которая в условиях прошлого года быстро политизировалась. Вопросы соблюдения прав человека представляются принципиальным фактором формирования общеевропейской социетальной повестки. Эти ценности рассматриваются как исторически европейские достижения. При этом действия национальных властей по ограничению прав объективно отражали проблему роста заболеваемости и необходимости борьбы с пандемией последних двух лет. Тем не менее наблюдался некоторый умеренный конфликт между европейским обществом и национальной политикой в сфере ограничения прав физических лиц.

Проведенный анализ свидетельствует и о том, что жесткого противопоставления между ценностями, указанными в договорах, и интересами внутри ЕС сегодня не просматривается. За набором ценностей может скрываться эволюция прагматических интересов, а ценностное восприятие мира в преломлении региональных СМИ отражает необходимость защиты фундаментальных интересов внутри европейского общества. Данные обстоятельства представляются целесообразным учитывать при формулировании и проведении политического курса в отношении ЕС.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Лункин Р. Н. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. М.: ИЕ РАН, 2021. 186 с. https://doi.org/10.15211/report32021_381
Lunkin R. N. *Fears and hopes of the Europeans in the context of pandemic*. Moscow: IE RAS, 2021, 186. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/report32021_381
2. Борко Ю. А. Как формировалась советская школа исследования европейской интеграции. Часть вторая. *Современная Европа*. 2020. № 5. С. 46–53. <https://doi.org/10.15211/soveurope520204653>
Borko Yu. A. The birth of the Soviet school of European integration studies. Part 2. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (5): 46–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope520204653>
3. Годованюк К. А. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. М.: ИЕ РАН, 2020. 160 с. https://doi.org/10.15211/report62020_373
Godovanyuk K. A. *"Global Britain" in the run-up to Brexit*. Moscow: IE RAS, 2020, 160. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/report62020_373
4. Алексеева Т. А. «Запад» и «Не Запад» в пространстве теории международных отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 217–232. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232>
Alekseeva T. A. "West" and "Non-West" in the space of international relations theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, 17(2): 217–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232>
5. Манжол В. А., Шаповалова А. И. Внешняя политика Франции: изменилась ли доктрина голлизма? *Современная Европа*. 2014. № 4. С. 84–96. <https://doi.org/10.15211/soveurope420148496>
Manzhola V. A., Shapovalova A. I. French Foreign Policy: whether Gaullism doctrine has changed? *Sovremennaya Yevropa*, 2014, (4): 84–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420148496>
6. Белов В. Б. Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть вторая. *Современная Европа*. 2020. № 1. С. 146–158. <https://doi.org/10.15211/soveurope12020146157>
Belov V. B. Special investment contracts and Russian-German economic cooperation. Part two. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (1): 146–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope12020146157>
7. Ананьева Е. В. Россия в стратегии национальной безопасности Британии. *Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения*. 2021. Т. 5. № 4. С. 453–459. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459>
Ananieva E. V. Russia in the UK National Security Strategy. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2021, 5(4): 453–459. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459>
8. Викторова Е. В., Петренко Д. А. Идентичность европейцев в контексте теорий неофункционализма и «воображаемых сообществ». *Современная Европа*. 2021. № 2. С. 89–98. <https://doi.org/10.15211/soveurope220218998>
Viktorova E. V., Petrenko D. A. European and national identities in the context of neofunctionalism and "imagined communities" theories. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (2): 89–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope220218998>

9. Громыко А. А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 10–25. <https://doi.org/10.15211/soveurope420211025>
Gromyko A. A. Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 10–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420211025>
10. Исполинов А. С. Концепция *acquis communautaire* в праве Европейского Союза. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2010. № 5. С. 68–88.
Ispolinov A. S. Concept of the *acquis communautaire* in law of the European Union. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2010, (5): 68–88. (In Russ.)
11. Кувалдин С. А. Ценности ЕС и их защита в европейском законодательстве. *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 37–55. <https://doi.org/10.15211/soveurope720203745>
Kuvaldin S. A. The values of the EU their protection in the European law. *Sovremennaya Yevropa*, 2020, (7): 37–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope720203745>
12. Петров Р. А. Транспозиция "acquis" Европейского союза и правовые системы третьих стран. Киев: Истина, 2011. 383 с.
Petrov R. A. *Transposition of the acquis of the European Union and the legal systems of third countries*. Kyiv: Istina, 2011, 383. (In Russ.)
13. Wiener A. The embedded *Acquis Communautaire*: transmission belt and prism of new governance. *EU1 Working Paper RSC*, 1998, (98/35): 52.
14. Magen A. Transformative engagement through law: the "Acquis communautaire" as an instrument of EU external influence. *European Journal of Law Reform*, 2007, 9: 361–392.
15. Waever O. Securitization and desecuritization. *On security*, ed. Lipschute R. N. Y.: Columbia University Press, 1995, 46–86.
16. *System, society and the world. Exploring the English school of international relations*, ed. Murray R. W. Bristol, 2013, 73.
17. Buzan B. *Peoples, states and fear. An agenda for international security studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Press Group, 1983, 262.
18. Buzan B. Waever O., de Wilde J. *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner, 1998, 241.
19. Buzan B., Waever O. *Powers and regions. The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 387.
20. *Regional orders. Building security in a new world*, eds. Lake D., Morgan P. Pennsylvania: Penn State University Press, 1997, 406.
21. McSweeney B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen school. *Review of International Studies*, 1996, (22): 81–93.
22. Носов М. Г. Вызовы стандартов пандемии: перемены в стандартах жизни. *Современная Европа*. 2021. № 3. С. 17–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope320211726>
Nosov M. G. Covid-19 in Italy: reloading of life standarts. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (3): 17–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope320211726>
23. Кастельс М., Киселева Э. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза. *Мир России. Социология. Этнология*. 1999. Т. 8. № 3. С. 3–56.
Castells M., Kiseleva E. The crisis of industrial statism and the collapse of the Soviet Union. *Universe of Russia*, 1999, 8(3): 3–56. (In Russ.)
24. Белов В. Б. Коронакризис versus социальное рыночное хозяйство и экономическое пространство Германии. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 58–70. <https://doi.org/10.15211/soveurope420215870>
Belov V. B. The coronavirus crisis versus social and market economy of Germany. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 58–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420215870>
25. Егоров А. И., Петровский А. М. Шок COVID-19: социальная политика страны ЕС. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 119–128. <https://doi.org/10.15211/soveurope42021119128>
Egorov A. I., Petrovsky A. M. COVID-19 shock: EU member's social policy. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (4): 119–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope42021119128>